KP41
all 303

Д-329330
КР47/303 all

ЦАРЬ

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЬ

ГРОЗНЫЙ.

13 gbt
Ver
B9
12/181

Кр47 alb
303

ЦАРЬ
ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ГРОЗНЫЙ.

1189/2

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева.
1863.

Дозволено цензурой. Москва. Декабря 22 дня 1862 г.

Ценсоръ А. Петровъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

М

917198

Въ ночь съ 3 на 4 декабря 1533 года скончался *добрый, ласковый Государь* Василій Іоанновичъ, оставя наслѣдникомъ трехлѣтняго сына Іоанна, подъ опекою матери и бояръ до пятнадцати лѣтъ его возраста. Юность Государя возбуждала опасенія. Никогда Россія не имѣла столь малолѣтняго властителя и никогда не видала своего правленія въ рукахъ чужеземки, ненавистнаго Литовскаго рода. Елена, мать юнаго Государя, изъ Литовской фамиліи Глинскихъ, опиралась на бояр-

скую думу, состоявшую изъ братьевъ Государевыхъ и двадцати знаменитыхъ бояръ, но многіе изъ нихъ не присутствовали. Два человѣка казались важнѣе всѣхъ по своему особенному вліянію на умъ правительницы: ея дядя, Михаилъ Глинскій, честолюбивый, смѣлый, назначенный Василіемъ быть ей главнымъ совѣтникомъ, и конюшій бояринъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ Овчина-Телепневъ Оболенскій. Михаилъ Глинскій, съ прискорбіемъ видя нескромную слабость Елены къ князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который хотѣлъ управлять и думою и государствомъ, смѣло и твердо говорилъ племянницѣ объ этой слабости. Его не слушали, возненавидѣли и погубили. Телепневъ предложилъ, Елена согласилась и Глинскій, обвиняемый въ мнимомъ замыслѣ овладѣть государствомъ, былъ лишенъ вольности, а скоро жизни. Его схоронили безъ всякой почести въ церки св. Никиты за Неглинною, но вскорѣ вынули изъ земли и отвезли въ Троицкій монастырь. По смерти Глинскаго,

Телепневъ былъ истиннымъ вельможею въ думѣ и въ государствѣ; всѣ желали перемѣны, которая вскорѣ и случилась. Великая княгиня Елена, еще молодая, цвѣтущая здоровьемъ, вдругъ скончалась. Бояре и народъ не изъявили и притворной горести. Плакалъ юный великій князь и бросился въ объятія къ князю Ивану Телепневу-Оболенскому, который одинъ былъ въ отчаяніи, потому что только одинъ могъ лишиться всего и не могъ уже ничего пріобрѣсти кончиною Елены. Народъ съ любопытствомъ спрашивалъ, кто будетъ править государствомъ?

Прошло нѣсколько дней въ неизвѣстности и въ тишинѣ для народа, въ тайныхъ совѣщаніяхъ и козняхъ для честолюбивыхъ вельможъ. Князь Василій Васильевичъ Шуйскій, занимавъ первое мѣсто въ совѣтѣ при отцѣ Іоанна, занималъ его и при Еленѣ и тѣмъ болѣе ненавидѣлъ Телепнева-Оболенскаго. Изготовя средства успѣха, князь Шуй-

скій самовольно объявилъ себя главою правленія; въ седьмой день по кончинѣ Елены онъ велѣлъ схватить надзирательницу Государя, боярыню Аг-рипину, а брата ея, князя Телепнева, оковать цѣпями и заключить въ темницу, гдѣ уморили его голодомъ. Тогда дума, государство и самъ Государь сдѣлались подвластны князю Василью Шуйскому и брату его, князю Ивану. Василій Шуйскій уже считалъ себя какъ бы царемъ Россіи; вдругъ узнали о его болѣзни и смерти, и мѣсто его заступилъ князь Иванъ Шуйскій, желавшій только помощниковъ, но не совмѣстниковъ, повелѣвавшій въ думѣ и во дворцѣ; онъ никогда не стоялъ предъ юнымъ Государемъ, садился у него въ спальнѣ, опирался локтемъ о постель, клалъ ноги на кресла Государевы. Казна страдала, ее грабилъ если не самъ Шуйскій, такъ его ближніе, угодники, управлявшіе областями, или имѣвшіе нажиточныя мѣста. О воспитаніи Государя не заботились. Рожденный съ пылкою душою, рѣдкимъ

умомъ, силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ качества великаго Государя, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары природы. Одинъ князь Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для самодержавнаго отрока; но Шуйскіе, открывъ этого достойнаго вельможу у Государя, старались привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его дѣтскихъ желаній; они безпрестанно забавляли, тѣшили его во дворцѣ шумными играми, въ полѣ—звѣриною ловлею, питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвидя слѣдствій. Любя охоту, Іоаннъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца на землю, а бояре говорили: «пусть державный веселится!» Окруживъ Государя толпою молодыхъ людей, смѣялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женщинъ и стариковъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда бояре хвалили въ немъ

смѣлость, мужество, проворство; они ожесточали сердце отрока, презирали его слезы о Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, надѣясь загладить свою дерзость угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы Іоаннъ, забывая ихъ дерзости, помнилъ одни только угожденія; Іоаннъ же, наоборотъ, забывалъ угожденія и помнилъ только однѣ досады. Дяди Государевы внушали тринадцатилѣтнему племяннику, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ самодержцемъ и свергнуть Шуйскихъ, которые тиранятъ бояръ и ругаются надъ самимъ Государемъ. Слова ихъ подѣйствовали на Іоанна; въ день Рождества Богородицы Іоаннъ, созвавъ бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ, грознымъ, съ твердостію объявилъ, что они, злоупотребляя его юностію, беззаконствуютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ землю; что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ только виновнѣйшаго князя Андрея Шуйскаго. Его взяли и предали въ жертву псарямъ; Шуйскіе и

друзья ихъ молчали, народъ былъ доволенъ. Наконецъ Великому Князю исполнилось 17 лѣтъ. Онъ призвалъ митрополита и долго говорилъ съ нимъ наединѣ. Чрезъ три дня собрался дворъ и Іоаннъ сказалъ митрополиту: «уповая на милость Божію и на святыхъ заступниковъ земли Русской, имѣю намѣреніе жениться. Желаю найти невѣсту въ Россіи по волѣ Божіей и по твоему благословенію». Митрополитъ, съ умиленіемъ, благословилъ его. Тогда Іоаннъ объявилъ боярамъ свое другое намѣреніе: «еще до женитьбы исполнить древній обрядъ предковъ его и *вѣнчаться на царство*». Онъ велѣлъ Митрополиту и боярамъ готовиться къ этому великому торжеству. Утромъ 16 января 1547 года, Іоаннъ вышелъ въ столовую комнату, гдѣ собрались всѣ бояре; духовникъ Государевъ, взявъ изъ рукъ Іоанновыхъ, на золотомъ блюдѣ, Животворящій Крестъ, вѣнецъ и бармы, отнесъ ихъ въ храмъ Успенія. Скоро пошелъ туда и Великій Князь, предшествуемый духовникомъ. Вступивъ въ церковь,

Государь приложился къ иконамъ, Митрополитъ благословилъ его. Посреди храма устроенъ былъ амвонъ съ двумя мѣстами, на которыхъ сѣли Государь и Митрополитъ. Передъ амвономъ стоялъ богато украшенный налой съ царскою утварью, которую подали Митрополиту архимандриты. Митрополитъ сталъ вмѣстѣ съ Іоанномъ и, возлагая на него крестъ, бармы, вѣнецъ, громко молился, чтобы Всевышній оградилъ Государя силою Св. Духа, посадилъ на престолъ добродѣтели, даровалъ ему ужасъ для строптивыхъ и милостивое око для послушныхъ. Обрядъ былъ заключенъ многолѣтіемъ Государю. Принявъ поздравленіе отъ духовенства, вельможъ, гражданъ, Іоаннъ слушалъ литургію и отправился во дворецъ. Въ церковныхъ дверяхъ Государя осыпали золотыми деньгами. Съ этого времени русскіе монархи начали уже не только съ иноземными державами, но и внутри государства, во всѣхъ дѣлахъ и бумагахъ, именоваться ца-

рями, сохраняя и титулъ Великаго Князя, освященный древностію.

Между тѣмъ знатные сановники объѣзжали Россію, чтобы видѣть всѣхъ благородныхъ дѣвицъ и представить Государю лучшихъ невѣстъ; Іоаннъ избралъ изъ нихъ Анастасію, дочь вдовы Захарьиной, мужъ которой, Романъ Юрьевичь, былъ окольничимъ. Но не знатность, а личныя достоинства невѣсты оправдывали этотъ выборъ; она была цѣломудренна, смиренна, набожна, чувствительна, умна, не говоря уже о красотѣ, которая считалась необходимою принадлежностію царской невѣсты. 13 февраля 1547 г. былъ совершенъ обрядъ бракосочетанія; дворъ и Москва праздновали нѣсколько дней; царь сыпалъ милости на богатыхъ, царица питала нищихъ. Прервавъ веселые пиры, Іоаннъ съ супругою ходилъ пѣшкомъ, зимою, въ Троицкую Сергіеву Лавру и провелъ тамъ первую

недѣлю великаго поста, ежедневно молясь надъ гробомъ Св. Сергія.

Но ни набожность, ни искренняя любовь къ добродѣтельной супругѣ не могли укротить его пылкую, безпокойную душу, пріученную къ шумной праздности, къ грубымъ, неблагочиннымъ забавамъ. Никогда Россія не управлялась хуже; Глинскіе дѣлали что хотѣли именемъ юноши-Государя; честные бояре съ потупленнымъ взоромъ безмолвствовали во дворцѣ, а шуты, скоморохи забавляли царя, льстецы славили его мудрость. Анастасія молилась, вмѣстѣ съ Россіею, и Богъ услышалъ ихъ молитву.

Москва, ежегодно расширявшаяся, часто подвергалась пожарамъ, но никогда послѣдніе не были такъ сильны, какъ въ 1547 г. 12 апрѣля сгорѣли лавки въ Китай-городѣ, гостиные казенные дворы, Богоявленскій монастырь и множество домовъ; 20

апрѣля сгорѣли всѣ улицы за Яузою, гдѣ жили гончары и кожевники, а 21 іюня, въ страшную бурю начался пожаръ на Арбатской улицѣ; огонь лился рѣкою и вскорѣ охватилъ Кремль, Китай-городъ, Большой Посадъ. Царь съ вельможами удалился въ село Воробьево, какъ бы для того, чтобы не слыхать и не видать народнаго отчаянія. Онъ велѣлъ немедленно возобновить кремлевскія стѣны и дворецъ; богатые также спѣшили строиться, о бѣдныхъ не думали. Этимъ воспользовались непріятели Глинскихъ и взбунтовали народъ. Государю сказали, что Москва сгорѣла отъ волшебства нѣкоторыхъ злодѣевъ. Іоаннъ удивился и велѣлъ боярамъ изслѣдовать это дѣло. Пріѣхавъ чрезъ два дня въ Кремль, бояре собрали гражданъ на площади и спросили, кто жегъ столицу? Народъ отвѣчалъ имъ: «Глинскіе! Глинскіе!» Дядя Государя, князь Юрій Глинскій стоялъ на кремлевской площади; изумленный нелѣпымъ обвиненіемъ и видя ярость черни, онъ скрылся въ Успенскую церковь, гдѣ

убили его мятежники; тѣло его вытащили изъ Кремля и положили на лобномъ мѣстѣ; имѣніе Глинскихъ было разграблено, многіе слуги ихъ были убиты.

Въ это время, когда Іоаннъ трепеталъ въ своемъ Воробьевскомъ дворцѣ, явился тамъ священникъ Сильвестръ, приблизился къ Іоанну и сказалъ ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою легкомысленнаго царя. Раскрывъ Священное Писаніе, Сильвестръ указалъ Іоанну правила, данныя Вседержителемъ земнымъ царямъ, заклиналъ его быть ревностнымъ исполнителемъ этихъ правилъ, потрясъ душу и сердце, овладѣлъ воображеніемъ, умомъ юноши и произвелъ чудо: Іоаннъ сдѣлался инымъ человѣкомъ. Сильвестръ, не требуя ни почестей, ни богатства, сталъ ободрять Іоанна на пути исправленія и заключилъ тѣсный союзъ съ Государевымъ любимцемъ, Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ, котораго описываютъ земнымъ ангеломъ.

Съ этихъ поръ начинается время Іоанновой славы.

Во первыхъ, обуздали мятежную чернь и Государь изъявилъ попечительность отца о бѣдныхъ; взяли мѣры, чтобы никто изъ нихъ не остался безъ крова и хлѣба.

Во вторыхъ, настоящіе виновники бунта обманулись, если надѣялись, свергнувъ Глинскихъ, овладѣть правленіемъ. Іоаннъ пощадилъ ихъ, но мятежное господство бояръ рушилось. Государь нѣсколько дней постился, принялъ Св. Тайны, и велѣлъ, чтобы изъ всѣхъ городовъ прислали въ Москву избранныхъ людей всякого чина или состоянія, для важнаго государственнаго дѣла. Когда они собрались, Іоаннъ вышелъ изъ Кремля, съ духовенствомъ, крестами, боярами, на лобное мѣсто и сказалъ собравшемуся народу: «Люди Божіи и намъ Богомъ дарованные! молю вашу вѣру къ Не-

му и любовь ко мнѣ; будьте великодушны! Нельзя исправить *минувшаго* зла, могу только *впредь* спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ! Оставьте ненависть, вражду; соединимся всѣ любовію христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ». Въ тотъ же день Государь поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ сиротъ, обиженныхъ. Онъ говорилъ и дѣйствовалъ, опираясь на своихъ избранныхъ, Алексѣя Адашева и іерея Сильвестра. Ласкатели и шуты онѣмѣли при дворѣ; въ Думѣ, навѣтники казнодѣи молчали, а правда могла быть откровенною. Смѣняли недостойныхъ правителей, которыхъ наказывали презрѣніемъ или темницею, но безъ излишней строгости. Мудрая умѣренность, человѣколюбіе, духъ кротости и мира сдѣлались правиломъ для царской власти. Окруженный боярами и людьми, свѣдущими въ гражданскомъ искусствѣ, Іоаннъ предложилъ имъ разсмотрѣть, дополнить Уложеніе Іоанна III,

согласно съ новыми потребностями Россіи, и въ 1550 году вышелъ *Судебникъ*. Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, который и собрался 23 февраля 1551 года. Государь предложилъ святителямъ устроить Церковь, исправить не только обряды ея, книги, искажаемыя писцами-невѣждами, но и самые нравы духовенства въ примѣръ міряпамъ; посредствомъ ученія образовать достойныхъ служителей олтаря; уставить правила благочинія, которое должно соблюдать въ храмахъ; искоренить соблазнъ въ монастыряхъ, очистить русское христіанство отъ всѣхъ остатковъ древняго язычества, и проч. Однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣйствій этого собора, который, по числу законныхъ статей, имъ изданныхъ, называется *Стоглавымъ*, было заведеніе училищъ въ Москвѣ и другихъ городахъ, въ которыхъ бы учились дѣти грамотѣ и страху Божію, подъ руководствомъ священниковъ и діаконовъ, извѣстныхъ своимъ умомъ и добродѣтелію.

Въ 1547 г. былъ въ Москвѣ саксонецъ Шлиттъ, выучился Русскому языку, имѣлъ доступъ къ Іоанну и говорилъ ему о художествахъ и наукахъ, еще неизвѣстныхъ въ Россіи. Царь предложилъ ему ѣхать посланникомъ въ Нѣмецкую землю, чтобы вывезти оттуда въ Москву ремесленниковъ, художниковъ, лекарей, аптекарей, типографщиковъ и людей искусныхъ въ древнихъ и новыхъ языкахъ. Шлиттъ согласился и, съ позволенія Нѣмецкаго Императора, Карла V, набралъ болѣе 120 человѣкъ, годныхъ для службы Царя Русскаго; съ этими людьми онъ уже готовился отплыть изъ Любека, какъ тамошніе сенаторы, боясь просвѣщенія Россія, посадили Шлитта въ темницу; сопутники его разсѣялись и долго Іоаннъ не зналъ ничего о несчастной судьбѣ Шлитта. Хотя намѣреніе Царя просвѣтить Россію не исполнилось, однакожъ многіе изъ нѣмецкихъ художниковъ, остановленныхъ въ Любекѣ, тайно пріѣхали потомъ въ Россію и были ей полезны.

Между тѣмъ, нужно было унять Татаръ, которые, пользуясь смутами въ Россіи, безпрепятственно нападали на ея села и города. Іоаннъ началъ съ ближайшихъ и хотѣлъ самъ вести войско къ Казани, но дурная погода, скверныя дороги и недостатокъ переправъ, заставили его возвратиться въ Москву, однакожъ велѣлъ своимъ воеводамъ продолжать путь. Князь Симеонъ Микулинскій, съ одною передовою дружиною разбилъ Татаръ, а костромскій воевода, Яковлевъ, истребилъ всю толпу хищниковъ на берегахъ рѣчки Еговки, на Гусевѣ полѣ.

Іоаннъ, недовольный этими легкими дѣйствіями, сталъ готовиться къ рѣшительному предпріятію. Въ 1549 году, царь Казанскій, Сафа Гирей, внезапно умеръ, оставя двухлѣтняго сына Утемишъ Гирея, котораго вельможи хотя и возвели на престолъ, однакожъ желали имѣть лучшаго государя и просили себѣ въ цари сына Крымскаго хана, а въ Москву прислали гонца съ письмомъ отъ Уте-

шимъ Гирея, требуя мира. Іоаннъ отвѣчалъ, что о мирѣ говорятъ съ послами и отправился съ огромнымъ числомъ войска къ Казани, куда прибылъ 14 февраля 1550 года. Сраженіе продолжалось цѣлый день; Русскіе убили множество людей въ городѣ, но не могли овладѣть крѣпостію. Въ слѣдующіе дни настала оттепель, шли сильные дожди, пушки не стрѣляли, ледъ на рѣкахъ взломало и войско, не имѣя подвозовъ, боялось голода. Государь уступилъ необходимости и возвратился назадъ. На обратномъ пути въ Москву, Іоаннъ остановился при устьѣ рѣки Свіяги, увидѣлъ высокую гору, въѣхалъ на ея вершину и, пораженный красотою мѣста, положилъ основать здѣсь городъ, который и началъ устроиваться съ 1551 г.

Между тѣмъ ужасъ и смятеніе господствовали въ Казани. Подданные измѣняли, князья и мурзы тайно уходили къ бывшему Казанскому царю, Шигъ Алею. Казанскіе вельможи желали покориться Іоан-

ну; Крымскіе—ждали войска изъ Тавриды, Астрахани, Ногайскихъ улусовъ. Сдѣлался бунтъ; Крымцы, видя, что народъ хочетъ выдать ихъ Москвѣ, бѣжали. Тогда Казанцы стали просить Іоанна дать имъ опять Шигъ-Алея въ цари, обязываясь прислать Утемишъ Гирея, вдовствующую царицу Сююнбеку, и освободить всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ. Іоаннъ послалъ Адашева объявить Шихъ-Алея царемъ и отдать ему только Луговую Сторону, а Горную, завоеванную Русскими, приписать къ Свіяжску. Это раздѣленіе Казанскаго царства огорчило народъ и самаго Шигъ-Алея; Казанцы хотѣли было отказаться отъ условій мира; но когда воеводы сказали имъ рѣшительно, что «или царица ихъ съ сыномъ будетъ въ нашихъ рукахъ, или самъ царь осенью будетъ здѣсь съ огнемъ и мечемъ для истребленія вѣроломныхъ»,—Казанцы повиновались и отправили въ Москву царицу Сююнбеку съ сыномъ Утемишъ Гиреемъ, и приняли царемъ Шигъ-Алея, все еще недовольнаго тѣмъ, что ему

не дали Горной Стороны. Вслѣдствіе этого Шигъ-Алей нѣсколько разъ просилъ Іоанна возвратить ему эту страну и, недовольный рѣшительными отказами царя, сквозь пальцы смотрѣлъ, какъ многіе Казанцы, вопреки условіямъ мира, укрываютъ еще многихъ Русскихъ плѣнныхъ, сажаютъ ихъ въ ямы, заковываютъ въ цѣпи, и никого не наказывалъ за это. Узнавши, что нѣкоторые Казанскіе вельможи замышляютъ убить его и всѣхъ Русскихъ, сдѣлалъ пиръ въ своемъ дворцѣ и перерѣзалъ гостей, уличенныхъ или только подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ. Этотъ поступокъ Шигъ Алея заставилъ Іоанна послать въ Казань Адашева, который объявилъ Алею, что царь не можетъ болѣе терпѣть подобныхъ злодѣйствъ, и что войско Русское явится въ Казань и утвердитъ безопасность какъ Русскихъ, такъ и Казанскаго царя. Алей требовалъ опять Горную Сторону, въ противномъ случаѣ отказывался добровольно отъ казанскаго престола. Непріятели же Алея говорили Адашеву, что при-

чиною неудовольствія въ народѣ самъ Шигъ-Алей, и просили свести его съ престола. Іоаннъ опять послалъ Адашева въ Казань свести царя въ угодность народу. Когда Алей лишился такимъ образомъ престола, тогда князь Симеонъ Микулинскій объявилъ Казанцамъ, что они должны присягнуть теперь Государю Московскому. Казанцы согласились, но потребовали, чтобы Микулинскій отпустилъ къ нимъ двухъ князей, которые, будучи уже подданными Россіи, могли бы успокоить народъ своимъ ручательствомъ въ Іоанновой милости. Микулинскій исполнилъ желаніе Казанцевъ. Но эти вельможи возмутили народъ ложною вѣстію, будто Русское войско, подвигавшееся къ Казани, должно истребить всѣхъ ея жителей. Народъ пришелъ въ ужасъ, взбунтовался, заперъ ворота и сталъ вооружаться. Русскіе воеводы, съ небольшимъ числомъ войска, подошли къ крѣпости, пхъ не впустили; Казанцы захватили Русскій обозъ и приказывали грубыя рѣчи къ Московскимъ воеводамъ,

которые тотчасъ же отправили Іоанну донесеніе о случившемся. Іоаннъ сталъ готовиться къ походу подъ Казань. 3 іюля 1552 года тронулась изъ Коломны все собравшееся войско. Дойдя до Свіяжска, Іоаннъ велѣлъ написать къ Казанскимъ вельможамъ, что Государь желаетъ не гибели ихъ, а раскаянія; что если они выдадутъ ему виновниковъ мятежа, то остальные могутъ быть покойны подъ его правленіемъ. 20 августа была получена отвѣтная граммота отъ новаго Казанскаго царя Едигера. Въ этой граммотѣ Едигеръ и его вельможи поносили Іоанна, Россію, христіанство, и не оставили слова на миръ; «все готово, писали они, ждемъ васъ на пиръ».

Русскіе обступили Казань. Стрѣльцы и пѣшіе казаки хотѣли пройти мимо крѣпости къ Арскому полю, какъ вдругъ изъ города бросилось на нихъ 15,000 Татаръ. Смятые сперва, стрѣльцы вновь сомкнулись, побѣдили и гнали непріятеля до са-

мыхъ стѣнъ. Подобныя вылазки Татаръ повторились еще нѣсколько разъ, но были для нихъ несчастны; они теряли много убитыми и ранеными. 27 августа, уставили стѣнобитный снарядъ и открыли сильную пальбу. Казанцы скрывались за стѣнами, но, желая знать, что дѣлается въ русскомъ войскѣ, напали на разсѣянныхъ въ полѣ русскихъ, которые однакожъ при помощи свѣжаго войска, обратили непріятеля въ бѣгство и захватили въ плѣнъ знатнаго воина, который сказывалъ, что Казанцы и слышать не хотятъ о мирѣ. На слѣдующій день, изъ лѣсу вышелъ густыми толпами непріятель, подъ предводительствомъ князя Япанчи, и напалъ на русскихъ, которые прогнали его въ лѣсъ и узнали отъ плѣнниковъ, что Япанчѣ велѣно не давать русскому войску покоя и дѣлать всевозможный вредъ частыми наѣздами. Іоаннъ собралъ Думу, положилъ раздѣлить войско на двѣ части; одной быть въ укрѣпленіяхъ, и хранить особу царя; другой сильно дѣйствовать противъ Япанчи.

Имѣя 45,000 войска, князь Горбатый-Шуйскій расположился за горами и послалъ отряды къ лѣсу. Япанча увидѣлъ ихъ и вывелъ свои войска. Русскіе какъ бы устрашенные ими, побѣжали назадъ. Татары слѣдовали за ними и вдругъ увидѣли позади себя новое Русское войско. Скоро явился и самъ князь Шуйскій и окружилъ Татаръ, которые искали спасенія въ бѣгствѣ, и ихъ давили, сѣкли, кололи на пространствѣ десяти или болѣе верстъ. На возвратномъ пути, въ лѣсу, Русскіе убили еще множество Татаръ, скрывавшихся въ чаще, взяли также и нѣсколько сотъ плѣнниковъ; однимъ словомъ, истребили Япанчу.

Іоаннъ, желая взять Казань съ меньшимъ кровопролитіемъ, велѣлъ инженеру дѣлать подкопъ отъ рѣки Булака, а также подкопать подземный ходъ, по которому Казанцы ходили за водою. Подкопъ былъ готовъ 5 сентября; съ громомъ, трескомъ взорвало тайникъ, часть городской стѣны и мно-

жество людей; Казанцы обмерли отъ страха, но потомъ опомнились, вытѣснили русскихъ, которые, пользуясь смятеніемъ, ворвались было въ городъ. Желая дѣйствовать на внутренность города, Русскіе тайно построили башню въ шесть сажень, ночью придвинули ее къ воротамъ, поставили на ней пятьдесять среднихъ пушекъ и десять большихъ, и утромъ начали стрѣлять. Стрѣлки стояли выше стѣны и мѣтили въ людей на улицахъ, въ домахъ. Казанцы укрывались въ ямахъ, въ землянкахъ, теряли людей, гибли отъ недостатка хорошей воды, но предложеній Іоанна о сдачѣ города не слушали ни краемъ уха.

Болѣе пяти недѣль уже прошло въ осадѣ; русскіе убили въ вылазкахъ и въ городѣ не менѣе десяти тысячь непріятелей, кромѣ женъ и дѣтей. Наконецъ 1-го октября 1552 года Іоаннъ, объявилъ войску, чтобы оно готовилось пить общую чашу крови, т. е., къ приступу. На другой день, когда

на литургіи діаконъ читалъ евангеліе и едва произнесъ снова: да будетъ едино стадо и едино пастырь, грянулъ громъ, земля дрогнула,—взорвало новый подкопъ; глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на землю. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать обѣдню. Когда діаконъ читалъ ектенію: да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его,—раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, но еще сильнѣе перваго. Русскіе кинулись въ городъ и, не смотря на отчаянное сопротивленіе Казанцевъ, знамена христіанскія скоро стали развѣваться на крѣпости.

Но эта побѣда не была еще рѣшена. Татары бились на улицахъ, въ домахъ, рѣзались ножами въ рукопашной схваткѣ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ русскаго войска, прельстясь сокровищами Казани, бросили сраженіе и начали разбивать домы, лавки. Казанцы

воспользовались утомленіемъ нашихъ воиновъ, ударили сильно и потѣснили ихъ; грабившіе, немедленно обратясь въ бѣгство, кричали: сѣкутъ! сѣкутъ! Государь, замѣтя это, измѣнился въ лицѣ и думалъ, что Казанцы выгнали все его войско изъ города. По совѣту людей опытныхъ, Государь сталъ передъ воротами, чтобы удержать бѣгущихъ; половина отборнаго двадцати тысячнаго войска его сошла съ коней и ринулась въ городъ. Это-то свѣжее войско нагрянуло на Татаръ, которые не могли долго сопротивляться, крѣпко сомкнулись и въ порядкѣ отступали до каменныхъ мечетей, гдѣ собрались всѣ ихъ духовныя лица. Мечети были взяты; царь Едигеръ, съ остальными Казанцами, засѣлъ въ укрѣпленномъ царскомъ дворѣ. Казанцы бились еще усердно, наконецъ вышли въ заднія ворота. Князь Андрей Курбскій съ двумя стами воиновъ удерживалъ ихъ въ тѣсныхъ улицахъ; тогда Казанцы взвели Едигера на башню и сказали русскимъ: «Пока у насъ было царство, мы

умирали за царя и отечество. Теперь Казань ваша; отдаемъ вамъ и Царя, цѣлаго, живаго, ведите его къ Іоанну, а мы идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу.» Выдавши царя, Казанцы начали снова стрѣлять и перешли рѣку Казанку. Государь послалъ воеводъ съ конную дружиною, чтобы отрѣзать бѣгущихъ Татаръ отъ лѣса; воеводы настигли и побили ихъ; никто не сдался живой, спаслись немногіе и то раненые. Казань была взята.

Учредивъ правительство въ городѣ и въ покорившихся областяхъ, Іоаннъ отправился въ Москву и въ Судогдѣ встрѣтилъ посланнаго отъ царицы, съ вѣстію о рожденіи. Іоаннъ въ радости спрыгнулъ съ коня, обнялъ, цѣловалъ посланнаго и, не зная какъ его наградить, отдалъ ему съ плеча царскую одежду и коня изъ подъ себя.

Прибывъ въ Москву и посвятя нѣсколько дней

своему семейству, Іоаннъ далъ торжественный обѣдъ всѣмъ боярамъ и воеводамъ, бывшимъ подъ Казанью; дарилъ одеждами съ плеча, бархатами, соболями, кубками, конями или деньгами, три дня пировалъ съ своими знаменитѣйшими подданными и три дня сыпалъ дары, которыхъ вышло почти на милліонъ нынѣшнихъ рублей, не считая богатыхъ отчинъ и помѣстьевъ, розданныхъ тогда воинскимъ и придворнымъ чиновникамъ.

Но за счастіемъ начались бѣдствія. Въ Псковѣ съ октября 1552 до осени 1553 свирѣпствовала смертоносная язва, извѣстная подъ названіемъ *железы*, похитила около 30,000 человѣкъ. Изъ Пскова она перешла въ Новгородъ, гдѣ произвела также немалое опустошеніе. Къ этому несчастію присоединились еще печальныя вѣсти изъ Казани: тамъ сдѣлался бунтъ и былъ такъ силенъ, что Русскіе считали уже свое господство въ этомъ краю потеряннымъ навсегда, а нѣкоторые члены госу-

дарственной думы предлагали даже покинуть эту землю и вывести изъ нея войско. Государь хотѣлъ исправить свою ошибку, хотѣлъ идти съ войскомъ усмирять бунтовщиковъ, но вдругъ занемогъ горячкую, такою сильною, что отчаявались въ его выздоровленіи. Тогда царскій дьякъ съ твердостію сказалъ больному, что ему время совершить духовную. Іоаннъ согласился и объявилъ своего сына, младенца Димитрія, своимъ преемникомъ, единственнымъ Государемъ Россіи. Духовную написали и хотѣли утвердить ее присягою всѣхъ знатнѣйшихъ сановниковъ. Тогда начался споръ, шумъ, мятежъ; одни требовали присяги, другіе не давали ее. Государь потребовалъ къ себѣ ослушниковъ и выговаривалъ имъ за ихъ неповиновеніе. Бояре оправдывались тѣмъ, что не видали Государя предъ собою, а Ѳедоръ Адашевъ, отецъ Государева любимца, сказалъ: «Мы готовы повиноваться Государь тебѣ и твоему сыну, а не Захарьинымъ Юрьевымъ, родственникамъ царицы, которые, конечно, будутъ

властвовать именемъ младенца. Вотъ это и страшитъ насъ, потому что, до твоего возраста, мы уже испили всю чашу бѣдствій отъ боярскаго правленія». Къ счастію другіе бояре остались вѣрны и тогда же присягнули царевичу Димитрію, однакожъ ссоры и распри продолжались еще, такъ что на другой день Государь вторично созвалъ вельможъ и настоятельно потребовалъ отъ нихъ присяги своему сыну; бояре не смѣли ослушаться и присягнули.

Эти два дня тревоги и смятенія довели больнаго до крайности, но тѣмъ не менѣе имѣли спасительное дѣйствіе на его болѣзнь; онъ выздоровѣлъ къ радости всѣхъ и къ безпокойству нѣкоторыхъ. Вставши съ постели, Іоаннъ, не смотря на непослушаніе многихъ бояръ, не показалъ и вида, что помнитъ ихъ слова; онъ далъ санъ боярина отцу Адашева, который смѣлѣе другихъ противился завѣщанію царя и просилъ назначить наслѣдникомъ

князя Владиміра Андреевича, двоюроднаго брата Государя. Іоаннъ по прежнему чествлъ, ласкалъ этого князя; однимъ словомъ, онъ какъ будто не помнилъ ничего, случившагося во время его болѣзни.

Такова была наружность, но въ сердцѣ оставалась глубокая рана. Іоанну внушали, что Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ тайно держали сторону князя Владиміра. Кромѣ того, царица Анастасія, жившая до сихъ поръ въ согласіи съ этими совѣтниками царскими, отдѣлилась отъ нихъ, думая, что они имѣли намѣреніе погубить ее, ея сына и всѣхъ родныхъ для того, чтобы престолъ достался князю Владиміру Андреевичу. Вѣроятно, Анастасія много способствовала о студѣ Іоанна къ его друзьямъ. Съ этого времени онъ почувствовалъ свою отъ нихъ зависимость и находилъ иногда удовольствіе не соглашаться съ ними.

Но еще долго онъ не перемѣнялся *явно*; чтилъ мужей добролюбивыхъ, ласкалъ Адашева и далъ ему санъ окольничаго. Чрезъ девять мѣсяцевъ, у Іоанна родился второй сынъ, Іоаннъ, и Государь въ новомъ завѣщаніи доказалъ величайшую довѣренность къ Князю Владиміру Андреевичу, назначая его, въ случаѣ своей смерти, опекуномъ юнаго царя, государственнымъ правителемъ и даже наслѣдникомъ престола, если царевичъ Іоаннъ скончается въ малолѣтствѣ, ибо первый сынъ Государя, Димитрій, умеръ не задолго до этого.

Усмиривъ Казанскій бунтъ, учредивъ тамъ епархію, Государь обратилъ свои силы на Астраханское царство, часто безпокоившее Россію. Іоаннъ послалъ туда въ 1554 году немногочисленное, но отборное войско, подъ предводительствомъ князя Пронскаго Шемякина и Игнатія Вешнякова, которые побили нѣсколько сотенъ Астраханцевъ и вступили въ самый городъ, откуда бѣжали жители и

самъ ихъ царь. Войско русское гналось за бѣжавшими, убивало однихъ, другихъ приводило назадъ, и, по приказанію Іоанна, царемъ Астраханскимъ объявленъ Дербышъ, прежде бывшій тамъ царемъ, но изгнанный Ямчургеемъ. Дербышъ и народъ поклялись повиноваться Іоанну, какъ верховному владыкѣ, и платить ему ежегодно дань. Но вскорѣ Дербышъ измѣнилъ, и, собравъ около себя нагайцевъ и крымцевъ, объявилъ Россіи войну. Голова Стрѣлецкій, Иванъ Черемисиновъ, посланный наказать измѣнника, разбилъ Дербыша на голову. Тогда всѣ жители, удостовѣренные въ безопасности, возвратились на свои жилища, дали присягу Россіи и не думали уже ей измѣнять. Черемисиновъ обложилъ ихъ легкою данью, наблюдалъ справедливость и пріобрѣлъ общую любовь и довѣренность. Съ того времени Государь въ подписи своихъ грамотъ сталъ означать лѣта казанскаго и астраханскаго завоеваній.

Между тѣмъ, какъ Іоаннъ покорялъ царства и завоевалъ Ливонію, царица Анастасія вдругъ занемогла тяжкою болѣзнію, усиленною испугомъ пожара, охватившаго Арбатъ. Государь увезъ царицу въ село Коломенское и самъ тушилъ огонь, возбуждая своимъ примѣромъ рвеніе въ знатныхъ чиновникахъ. Царицѣ сдѣлалось хуже отъ страха и безпокойства; искусство докторовъ не имѣло успѣха и въ 1560 году она скончалась, унеся съ собою добродѣтель Государя.

Весною 1560 года, холодность Государя къ Адашеву и Сильвестру стала явно обнаруживаться и они увидѣли необходимость удалиться. Адашевъ принялъ званіе воеводы и поѣхалъ въ Ливонію, а Сильвестръ заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ. Не смотря на Государеву немилость, Адашева чтили въ войскѣ, самые Ливонцы питали къ нему уваженіе. Не менѣе того и Сильвестръ блисталъ въ пустынѣ христіанскими добродѣтелями.

Но враги ихъ, боясь, чтобы Государь опять не приблизилъ ихъ къ себѣ, старались найти случай погубить этихъ людей и вскорѣ нашли его. Смерть Анастасіи привела Іоанна въ неописанную горесть, а враги Адашева и Сильвестра воспользовались этимъ случаемъ, чтобы очернить ихъ въ глазахъ Государя; они говорили: «Ты, Государь, въ отчаяніи, Россія также, а два изверга торжествуютъ; добродѣтельную царицу извели Сильвестръ и Адашевъ, ея тайные враги и *чародѣи*, ибо безъ чародѣйства они не могли бы такъ долго владѣть твоимъ умомъ». Хотя доказательства были недостаточны, но Государь, зная нерасположеніе Анастасіи къ этимъ двумъ человѣкамъ со дня его болѣзни, думалъ, что и они также не любили ея; онъ принялъ клевету за истину. Сильвестръ и Адашевъ, узнавъ объ этомъ, требовали очной ставки съ обвинителями, которые между тѣмъ убѣдили царя отказать въ этой просьбѣ. Государь велѣлъ судить ихъ заочно. Выслушавъ бумагу о преступ-

леніяхъ Адашева и Сильвестра, нѣкоторые изъ судей объявили, что эти злодѣи уличены и достойны казни; не смотря на убѣжденія заступниковъ обвиняемыхъ, рѣшили, что они виновны. Нужно было только опредѣлить казнь, и Государь, еще желая имѣть видъ милосердія, послалъ Сильвестра на Соловецкіе острова, а Адашева въ Феллинъ, откуда онъ, по проискамъ гонителей, переведенъ въ Дерптъ и вскорѣ умеръ тамъ отъ горячки.

Хотя не было двухъ главныхъ дѣйствователей благословеннаго царствованія Іоанна, однакожъ оставались еще ихъ друзья, ихъ правила, ихъ духъ; нужно было истребить и это: потребовали клятвы отъ всѣхъ бояръ и знатныхъ людей не держаться стороны наказанныхъ, и все, что до сихъ поръ считалось достоинствомъ и способомъ угодить царю, сдѣлалось предосудительно, ибо напоминало Адашева и Сильвестра. Іоанну говорили, что Богъ и народъ требуютъ, чтобы въ земной горести онъ

искалъ и земнаго утѣшенія и избралъ себѣ новую супругу. Іоаннъ безъ гнѣва слушалъ утѣшителей и чрезъ недѣлю по смерти Анастасіи, Митрополитъ и знатные предложили ему искать невѣсту; Государь объявилъ, что желаетъ жениться на сестрѣ короля Польскаго.

Съ этого времени во дворцѣ затихъ плачъ; царя стали забавлять пріятною, веселою бесѣдою, а потомъ и свѣтлыми пирами, на которыхъ многіе изъ прежнихъ бояръ сидѣли молча, съ туманнымъ лицомъ, не пили и вздыхали. Новые любимцы Государя, угождавшіе ему изъ своекорыстныхъ видовъ, указывали ему на этихъ бояръ и говорили: «Вотъ твои недоброхоты! Они позабыли данную клятву не держаться стороны Адашева и Сильвестра и распускаютъ вредные слухи, волнуютъ народъ хотятъ прежняго своевольства». Эти слова гибельно дѣйствовали на Іоанна, который сперва только грозилъ, а потомъ сталъ гнать всѣхъ ближ-

нихъ Адашева, лишалъ ихъ собственности, ссылалъ въ дальнія мѣста. Народъ жалѣлъ о невинныхъ, проклиналъ новыхъ совѣтниковъ царя, который болѣе и болѣе злобился, слыша эти сожалѣнія, и хотѣлъ строгими, жестокими мѣрами унять дерзость. Ему донесли, что одна знатная женщина, славная своими добродѣтелями и дружбою съ Адашевымъ, ненавидитъ царя и думаетъ извести его чародѣйствомъ; ее казнили вмѣстѣ съ пятью сыновьями, а скоро затѣмъ и многихъ другихъ, обвиняемыхъ въ томъ же. Въ это же время погибъ князь Дмитрій Оболенскій-Овчининъ, который сказалъ разъ Ѳедору Басманову, новому любимцу Государя: «мы служимъ царю полезными трудами, а ты гнусными дѣлами содомскими!» Басмановъ пожаловался Іоанну, который, въ изступленіи гнѣва, за обѣдомъ, ударилъ Оболенскаго ножемъ въ грудь. Также погибъ и другой вельможа, князь Михаилъ Рѣшинъ, не хотѣвшій надѣть на себя маску. Царь выгналъ его и чрезъ нѣсколько дней велѣлъ умерт-

вить, стоящаго на молитвѣ въ церкви. Тогда же появились доносители, подслушивавшіе тихіе разговоры друзей, выдумывавшіе клевету. Государь выслушивалъ доносы и безъ всякихъ уликъ, по одному только навѣту, казнилъ, сажалъ въ темницу, ссылалъ въ дальніе монастыри цѣлыя семейства, оправдываясь тѣмъ, что всѣ эти люди были измѣнники, чародѣи, враги Россіи.

Между тѣмъ Іоаннъ, потерявшій надежду жениться на сестрѣ Польскаго короля, съ которымъ началъ тогда воевать, сталъ искать себѣ другую невѣсту и выбралъ дочь Черкесскаго владѣтеля, Темгрюка. Ее окрестили, назвали Маріею и обвѣнчали съ Іоанномъ въ 1561 году. Новая царица нисколько не была похожа на Анастасію; дикая нравомъ, жестокая душею, она еще болѣе утверждала Іоанна въ злыхъ склонностяхъ, не умѣвъ сохранить и любви его.

Чрезъ два года потомъ умеръ Митрополитъ Макарій, велѣвшій перевести греческую Минею и прибавить къ ней Житія Россійскихъ Святыхъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ. Онъ же велѣлъ сочинить *Степенную книгу*, доведенную отъ Рюрика до 1559 года, и способствовалъ учрежденію первой въ Москвѣ типографіи. По его благословенію, Іоаннъ въ 1553 году приказалъ устроить особенный домъ книгопечатанія, подъ руководствомъ двухъ мастеровъ, Ивана Ѳедорова, діакона церкви Николая Гостунскаго, и Петра Тимоѳѣева Мстиславца, которые въ 1564 году издали *Дѣянія* и *Посланія* Апостоловъ, древнѣйшую изъ русскихъ печатныхъ книгъ. Это заведеніе, лишившее многихъ грамотѣевъ дохода отъ списыванія книгъ церковныхъ, возбудило ихъ негодованіе, къ которому присоединилось еще суевѣріе, и Ѳедоровъ, по смерти своего покровителя, Митрополита Макарія, бѣжалъ съ товарищемъ Мстиславцемъ въ Литву, гдѣ былъ принятъ ласково Волынскимъ княземъ

и завелъ типографію въ городѣ Острогѣ; здѣсь онъ напечаталъ полную библію въ 1581 году.

Въ 1564 году князь Андрей Курбскій, нелюбимый царемъ, какъ другъ Адашева, и угрожаемый гибелью, бѣжалъ въ Литву, къ Польскому королю Сигизмунду, и далъ ему совѣтъ, какъ губить Россію. Бѣгство и измѣна Курбскаго породили подозрѣнія въ царѣ и противъ вѣрныхъ ему вельможъ. Всѣ добрые вельможи казались Іоанну тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго; онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ, слышалъ укоризны или угрозы въ ихъ молчаніи, требовалъ доносовъ и жаловался, что ихъ мало. Въ началѣ зимы 1564 года, Москва узнала, что царь ѣдетъ, неизвѣстно куда, съ своими ближними, дворянами, приказными. Велѣно было укладывать въ сани золото, серебро, иконы, кресты, драгоцѣнные сосуды, одежды, деньги. Отслушавъ обѣдню, Іоаннъ сѣлъ въ сани и, провожаемый вооруженными людьми,

уѣхалъ въ село Коломенское, откуда чрезъ двѣ недѣли переѣхалъ въ село Тайнинское, потомъ въ Троицкій монастырь, а къ праздику Рождества въ Александровскую слободу. Отсюда Іоаннъ написалъ Митрополиту, что, не желая терпѣть измѣнъ боярскихъ, онъ отъ великой жалости сердца оставилъ государство и поѣхалъ, куда Богъ укажетъ путь. Грамата эта привела въ ужасъ народъ. По совѣту Митрополита отправились къ Государю епископы бить челомъ и просить его взять опять кормило правленія. Іоаннъ принялъ ихъ въ Александровской слободѣ, упрекалъ бояръ въ своевольствѣ, нерадѣніи, строптивости; но, снисходя къ моленію духовенства, согласился опять царствовать на извѣстныхъ условіяхъ. Условія эти состояли въ слѣдующемъ: для своей и государственной безопасности, Іоаннъ учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей, числомъ до 1000; объявилъ своею собственностію нѣкоторые города; взялъ себѣ нѣсколько улицъ въ самой Москвѣ.

Эта часть Россіи и Москвы, новые тѣлохранители и новый дворъ, находясь подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ царя, были названы *Опричниною*, а все остальное — *Земщиною*, которую Іоаннъ поручалъ Земскимъ боярамъ. Кромѣ того Іоаннъ потребовалъ изъ земской казны сто тысячъ рублей за издержки его путешествія отъ Москвы до Александровской слободы. Вслѣдъ за тѣмъ начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Іоанна, покойной царицы Анастасіи и дѣтей его. Въ это время погибли: воевода, князь Горбатый-Шуйскій вмѣстѣ съ сыномъ Петромъ, Петръ Ховринъ шуринъ Горбатаго, окольничій Головинъ, князь Сухой-Кашинъ, кравчій князь Горенскій, князь Дмитрій Шевыревъ былъ посаженъ на колъ, Князей Ивана Куракина и Дмитрія Нѣмаго постригли; у многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отняли имѣніе; другихъ съ семействами сослали въ Казань. Нѣкоторые бояре, заподозрѣнные Іоанномъ въ измѣнѣ, по

помплованные имъ, должны были представить поручителей, которые, въ случаѣ ихъ бѣгства, заплатили бы царю великую сумму денегъ.

Послѣ казней, Іоаннъ занялся устройствомъ новыхъ тѣлохранителей, которыхъ набралъ изъ низкихъ и подлыхъ людей, отличныхъ удальствомъ, распутствомъ и готовностію на все. Такихъ тѣлохранителей вмѣсто тысячи царь набралъ шесть тысячъ, взялъ съ нихъ клятву служить ему вѣрою и правдою, доносить на измѣнниковъ, не дружиться съ земскими, не водить съ ними хлѣба, соли, не знать ни отца, ни матери, а только Государя. Опричники, или кромѣшники, всегда были правы на судахъ, могли безопасно тѣснить, грабить сосѣда и, въ случаѣ жалобы, брать съ него пеню за безчестіе. Они всегда ѣздили съ *собачьими головами* и *метлами*, въ знакъ того, что *грызутъ* царскихъ лиходѣевъ и *метутъ* Россію.

Въ тоже время Іоаннъ сталъ большею частію жить въ Александровской слободѣ, въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ. Никто не смѣлъ выѣхать изъ слободы безъ вѣдома царя, и для того въ трехъ верстахъ отъ слободы обыкновенно стояла воинская стража. Здѣсь Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ и хотѣлъ обратить дворецъ въ монастырь; онъ выбралъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ, назвалъ ихъ братіею, себя игуменомъ, князя Аѳанасія Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова пономаремъ, далъ имъ скуфейки и черныя рясы, сочинилъ для нихъ монастырскій уставъ и самъ служилъ примѣромъ въ исполненіи его. Однообразіе своей жизни царь нарушалъ такъ называемыми *объѣздами*. Когда пріѣзжали въ Россію иноземные послы, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ тамъ въ новой Кремлевской палатѣ.

Въ 1566 г. умеръ Митрополитъ Аѳанасій и на мѣсто его былъ противъ воли поставленъ св. Филиппъ, игуменъ Соловецкаго монастыря, сынъ боярина Колычева. Первые дни святительства Филиппа, уже оскорбившаго Государя тѣмъ, что не соглашался быть Митрополитомъ, если Іоаннъ не уничтожитъ опричнину,—прошли тихо. Но эта тишина была предтечею новой бури. Іоаннъ старался увѣрить себя, что Филиппъ есть орудіе ненавистныхъ бояръ, которые внушили ему требовать уничтоженія опричнины и возмущаютъ народъ противъ этой царской дружины. Начались новыя казни, среди которыхъ погибли: конюшій Ѳедоровъ, котораго убилъ самъ Іоаннъ, жена его, престарѣлая Марія, князья Иванъ Куракинъ-Булгаковъ, Дмитрій Ряполовскій, три князя Ростовскіе, князь Щепятевъ, князь Иванъ Турунтай-Пронскій, казначей Государевъ Тютинъ съ женою и четырьмя дѣтьми, думный дьякъ Казаринъ-Дубровскій. Умертвили также многихъ другихъ именитыхъ

людей; когда они, ничего невѣдая, спокойно шли или въ церковь или въ свои приказы. Опричники бѣгали по городу, убивали, всенародно, человѣкъ десять или двадцать въ день; трупы лежали на улицахъ, площадяхъ, ибо никто не смѣлъ погребать ихъ; граждане боялись выходить изъ домовъ.

Однажды, въ воскресный день, Іоаннъ, въ сопровожденіи бояръ и множества опричниковъ вошелъ въ соборъ Успенія; царь и опричники были въ черныхъ ризахъ въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ, Іоаннъ подошелъ къ нему и ждалъ благословенія. Филиппъ смотрѣлъ на образъ Спасителя и молчалъ. Наконецъ бояре сказали: «Святый Владыко, вотъ Государь,—благослови его». Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣчалъ: «Въ этомъ видѣ, въ этомъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царст-

ва.... Государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанъ. Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе, а въ Россіи ихъ нѣтъ. Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, убійства,—и совершаются именемъ царя. Ты высокъ на тронѣ, но есть Всевышній, Судія нашъ и твой. Какъ предстанемъ на судъ его?..... Государь! вѣщаю, яко пастырь душъ. Боюся Бога единаго». Іоаннъ дрожалъ отъ гнѣва, ударилъ жезломъ о камень и сказалъ страшнымъ голосомъ:« Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ васъ, мятежниковъ; отнынѣ буду, каковымъ нарицаете меня!» и вышелъ съ угрозою. На другой день начались новыя казни и въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ Митрополита взяли подъ стражу, пытали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филиппа, но ничего не узнали. Между тѣмъ, въ полночь, любимцы Іоанновы, съ оприч-

ками вломились въ домы ко многимъ знатнымъ людямъ, взяли ихъ женъ, извѣстныхъ красотою, и вывезли изъ города. Вслѣдъ за ними выѣхалъ и самъ Іоаннъ. На первомъ ночлегѣ ему представили женъ; нѣкоторыхъ онъ избралъ для себя, остальныхъ уступилъ любимцамъ, ѣздилъ съ ними вокругъ Москвы, жегъ усадьбы опальныхъ бояръ, казнилъ ихъ слугъ, даже истреблялъ скотъ, особенно въ коломенскихъ селахъ убитаго конюшаго Ѳедорова; потомъ возвратился въ Москву и велѣлъ ночью развезти женъ по домамъ.

—Убѣгая Митрополита, царь однакожъ видалъ его въ церкви. 28 іюля, Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнамъ съ крестами; здѣсь былъ и царь съ опричниками, изъ которыхъ одинъ шелъ въ *скуфьи*. Митрополитъ, увидя это безчиніе, съ негодованіемъ сказалъ о томъ царю, но опричникъ уже спряталъ скуфейку. Іоанна увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказ-

ку, желая возбудить народъ противъ Государя и его любимцевъ. Іоаннъ пришелъ въ ужасный гнѣвъ, ругалъ Митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ; клялся, что уличитъ его во всемъ, и приступилъ къ дѣлу. Посланы были въ Соловки развѣдать о прежней жизни Филиппа, но, не смотря на всѣ угрозы и обѣщанія, монахи единогласно говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; однакожъ одинъ изъ монашествующихъ, по своекорыстнымъ видамъ, говорилъ противное. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну и велѣли Митрополиту явиться на судъ. Святитель сложилъ съ себя знаки пастыря и хотѣлъ удаляться, но царь, остановивъ его, сказалъ, это ему должно ждать суда, а не быть своимъ судьею, и принудилъ взять назадъ святительскую утварь и служить обѣдню въ день Михаила Архангела. Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ, явился Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ и объявилъ, что Фи-

липпъ лишенъ пастырскаго сана. Опричники вошли въ алтарь, сорвали съ Филиппа святительскую одежду, одѣли его въ лохмотья, выгнали изъ церкви метлами и на дровняхъ повезли въ Богоявленскій монастырь. На другой день его привели въ судную палату, гдѣ объявили ему, что онъ, уличенный въ тяжкихъ винахъ и волшебствѣ, долженъ кончить дни свои въ заключеніи. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ оковахъ, былъ переведенъ въ монастырь св. Николая Стараго, терпѣлъ голодъ и питался молитвою; отсюда Филиппа перевезли въ Тверскій Отрочь монастырь.

Съ этихъ поръ Іоаннъ началъ губить цѣлые города. Началось съ Торжка, гдѣ опричники, въ день ярмарки, завели ссору съ жителями. Царь объявилъ гражданъ бунтовщиками, велѣлъ ихъ мучить, топить въ рѣкѣ. Точно тоже происходило въ Коломнѣ.

Въ концѣ 1569 года умерла царица Марія, вторая супруга Іоанна: распустивъ слухъ, что Марія была отравлена тайными злодѣями, Іоаннъ объявляетъ виновнымъ въ этомъ князя Владиміра Андреевича, который, кромѣ того, хотѣлъ будто бы отравить и самого царя. Князя съ женою и дѣтьми ведутъ къ царю. «Вы хотѣли уморить меня ядомъ, сказалъ имъ Іоаннъ, пейте его сами». Князь простился съ женою, благословилъ дѣтей и выпилъ ядъ; его примѣру послѣдовали жена и дѣти. Умертвивъ князя, Іоаннъ велѣлъ тогда же умертвить и его мать, смиренную монахиню; ее утопили въ рѣкѣ.

Несчастная судьба князя Владиміра произвела всеобщую жалость, и слезы лились въ домахъ и храмахъ. Іоаннъ хотѣлъ открытіемъ мнимаго важнаго заговора доказать необходимость своей жестокости для обузданія предателей, будто бы единомышленныхъ съ княземъ Владиміромъ. Къ этому

присоединилось еще нерасположеніе царя къ Новгороду и Пскову, гдѣ сохранялся еще духъ вольности. Онъ воспользовался первымъ случаемъ и, вмѣстѣ съ царевичемъ Іоанномъ, со всѣмъ дворомъ и опричниною, вышелъ изъ Александровской слободы, миновалъ Москву и пришелъ въ Клинъ, городъ бывшаго Великаго Тверскаго Княженія. Считая жителей тайными врагами Московскаго самодержавія, Іоаннъ велѣлъ опричникамъ начать войну, убійства, грабежъ; домы, улицы наполнились трупами, не щадили ни женъ, ни дѣтей. Отсюда Іоаннъ поѣхалъ чрезъ Городню въ Тверь, оставляя по себѣ кровавый слѣдъ. Въ Твери жилъ тогда св. Филиппъ; Іоаннъ не забылъ его и послалъ къ нему своего любимца, Малюту Скуратова, будто бы за благословеніемъ. Филиппъ отвѣчалъ, что благословляютъ добрыхъ и на доброе и, угадывая цѣль прибытія Скуратова, примолвилъ съ кротостію: «я давно ожидаю смерти, да исполнится воля Государева». Скуратовъ задушилъ его, но, желая

скрыть убійство отъ братіи, сказалъ, что Филиппъ умеръ отъ несноснаго жара въ келліи.—Іоаннъ не въѣзжалъ въ Тверь, но жилъ пять дней въ ближнемъ монастырѣ; между тѣмъ какъ опричники грабили городъ, мучили, убивали людей. Изъ Твери Іоаннъ направился къ Новгороду чрезъ Мѣдный, Торжекъ, Вышній Волочекъ, опустошая страну. Въ январѣ 1560 года, Іоаннъ подошелъ къ Новгороду, окружилъ его со всѣхъ сторонъ крѣпкими заставами, опечаталъ монастыри и церкви, а также дворы всѣхъ богатыхъ гражданъ. Спустя нѣсколько дней убили Новгородскаго архіепископа за царскимъ столомъ, ограбили его палаты, келліи и Софійскую церковь. За тѣмъ начался судъ Новгородцевъ за то, что они будто бы хотѣли отдать городъ Польшѣ и звали къ себѣ Польскаго короля. Ежедневно представляли Іоанну и его сыну отъ 500 до 1000 Новгородцевъ, били ихъ, мучили, жгли, привязывали головою или ногами къ санямъ, тащили на берегъ Волхова, гдѣ эта рѣка не замерзаетъ,

и бросали съ моста въ воду; если кто изъ брошенныхъ всплывалъ, того кололи, разсѣкали на части. Такой судъ продолжался пять недѣль и окончился общимъ грабежемъ. Говорятъ, что тогда погибло не менѣе шестидесяти тысячь жителей. Отъ Новгорода Іоаннъ отправился къ Пскову, готовя ему участь Новгорода. Подойдя къ Пскову, царь ночевалъ въ монастырѣ и въ полночь услышалъ благовѣстъ къ заутрени; сердце его умилилось и въ порывѣ жалости, онъ велѣлъ своимъ воеводамъ иступить мечи о камни. Вступивъ въ городъ, Іоаннъ увидѣлъ на всѣхъ улицахъ предъ домами столы съ кушаньемъ; граждане, стоя на колѣняхъ, привѣтствовали царя и подносили ему хлѣбъ-соль. Эта покорность понравилась Іоанну, онъ слушалъ молебенъ, поклонился гробу св. Всеволода Гавріила, зашелъ въ келлію юродиваго Николы, который предложилъ ему кусокъ сыраго мяса. «Я христіанинъ, и не ѣмъ мяса въ великій постъ», сказалъ царь.—«Ты дѣлаешь хуже, отвѣ-

чалъ юродивый, питаешься человѣческою плотію и кровію, забывая не только постъ, но и Бога!» Юродивый грозилъ ему, предсказывалъ несчастія и такъ устрашилъ, что Іоаннъ немедленно удалился изъ города, а потомъ отправился въ Москву.

Прошло пять мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ производилось слѣдствіе; собирали доносы, улики, искали въ Москвѣ тайныхъ единомышленниковъ Новгородскаго Архіепископа, которые были взяты подъ стражу, пытаны и казнены среди большой торговой улицы, въ Китаѣ городѣ.

Скучая вдовствомъ, царь занялся новымъ супружествомъ и избралъ Марѳу Васильевну Собакину, дочь купца Новгородскаго. Но царская невѣста занемогла, стала сохнуть, худѣть; Іоанну сказали, что она *испорчена* злодѣями, ненавистниками его счастія. Царь заподозрѣлъ ближнихъ родственни-

ковъ умершихъ царицъ и обратилъ на нихъ свой гнѣвъ. Большая часть родственниковъ прежнихъ царицъ погибла въ мукахъ; въ это время казнены: шуринъ Іоанна, братъ царицы Маріи, который былъ посаженъ на колъ, вельможа Яковлевъ, братъ его Василій, и воевода Сабуровъ; бояринъ Салтыковъ былъ постриженъ въ монахи Троицкаго монастыря и тамъ убитъ.

Послѣ казней Іоаннъ направился къ Новгороду, гдѣ пробылъ 26 дней, не сдѣлавъ никому зла, и возвратился въ Александровскую слободу и женился здѣсь въ четвертый разъ на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской; созвалъ потомъ епископовъ и молилъ ихъ утвердить этотъ бракъ. Епископы, видя смиреніе Іоанново, проливали слезы, сожалѣя о винѣ и о виновномъ, читали уставъ вселенскихъ соборовъ, разсуждали и положили утвердить этотъ бракъ, ради теплаго, умильнаго покаянія Государя.

Не видя въ народѣ ни тѣни сопротивленія, ни тѣни опасностей, истребивъ *гордыхъ*, *самовластныхъ* друзей Адашева, Іоаннъ вдругъ уничтожилъ опричнину, которая семь лѣтъ терзала Россію. Но хотя не было имени опричниковъ, однакожъ жертвы еще падали; такъ, на примѣръ, погибъ первый изъ русскихъ воеводъ, первый *слуга Государевъ*, князь Михаилъ Воротынскій, обвиняемый въ чародѣйствѣ, въ тайныхъ свиданіяхъ съ вѣдьмами и въ намѣреніи извести царя. Его положили связаннаго на дерево между двумя огнями и потомъ, изожженнаго, едва дышущаго, повезли на Бѣлоозеро, но Воротынскій умеръ на дорогѣ. Вмѣстѣ съ нимъ замучили боярина Одоевскаго; тогда же убили боярина Морозова съ двумя сыновьями и женою, боярина князя Куракина и многихъ другихъ.

Въ эти годы Іоаннъ простылъ въ своей любви къ царицѣ Аннѣ, которая должна была постричься въ монахини. Царь, не требуя уже благословенія

отъ епископовъ, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, женился въ пятый разъ на Аннѣ Васильчиковой, которая скоро умерла, и царь женился въ шестой разъ на вдовѣ, Василисѣ Мелентьевой, взявъ только молитву для сожитія съ нею. Спустя три года, Іоаннъ вступилъ въ седьмое супружество, безъ всякаго церковнаго разрѣшенія, съ дѣвицею Маріею, дочерью сановника Ѳедора Ѳедоровича Нагаго.

Между тѣмъ какъ царь праздновалъ свои браки, русскія войска терпѣли пораженія въ Ливоніи и царь видѣлъ необходимость прекратить войну. Во время переговоровъ о мирѣ, старшій сынъ царя, Іоаннъ, пришелъ къ отцу и требовалъ, чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля. Іоаннъ, въ волненіи гнѣва, закричалъ: «мятежникъ! ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола,» и поднялъ руку. Борисъ Годуновъ хотѣлъ удержать ее; царь нанесъ ему нѣсколько

ранъ своимъ острымъ жезломъ и сильно ударилъ царевича въ голову, который упалъ, обливаясь кровію. Поблѣднѣвъ отъ ужаса, царь въ трепетѣ, въ наступленіи вскричалъ: «я убилъ сына!» и кинулся обнимать, цѣловать его, удерживалъ текущую кровь, плакалъ, рыдалъ, звалъ лекарей, молилъ Бога о милосердіи, сына—о прощеніи. Царевичъ утѣшалъ его, говорилъ, что умираетъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ, и чрезъ четыре дня умеръ. 20 ноября 1582 года, вельможи, бояре, князья, въ черной одеждѣ, понесли тѣло въ Москву. Царь слѣдовалъ за гробомъ пѣшкомъ до церкви Михаила Архангела, гдѣ и погребенъ царевичъ.

Уже давно Сибирскій царь Едигеръ просилъ Іоанна о вспоможеніи, обѣщая быть вѣрнымъ его данникомъ. Озабоченный другими дѣлами, Іоаннъ не могъ пособить ему какъ слѣдовало, а между тѣмъ Кучюмъ овладѣлъ Сибирью, подстрекалъ жителей не платить дани и послалъ своего племянника,

Маметкула, развѣдать о крѣпостяхъ, которыя строились купцами Строгановыми. Маметкулъ явился съ войскомъ, умертвилъ нѣсколько Остяковъ и взялъ въ плѣнъ Московскаго посла, ѣхавшаго въ Киргизъ-Кайсацкую орду. Строгановы не смѣли безъ Государева позволенія гнаться за разбойникомъ, увѣдомили Іоанна и просили указа строить крѣпости, не требуя ни войска, ни оружія, ни денегъ, а требуя только жалованной граматы на непріятельскую землю. Іоаннъ согласился и далъ имъ грамату. Тогда Строгановы предложили Волжскимъ атаманамъ разбойниковъ, Ермаку Тимоѳѣеву, Ивану Кольцо, Якову Михайлову, Никитѣ Пану и Матвѣю Мещеряку, сослужить честную службу— оборонять Великую Пермь и восточный край христіанства. Ермакъ съ товарищами подняли знамя на берегу Волги, собрали 540 отважныхъ бойцевъ и явились къ Строгановымъ; разбили на голову мурзу Бегулія и, приготовя всѣ нужные запасы, Ермакъ предводительствуя 840 человѣками, отпра-

вился воевать въ Сибирское царство Кучюма. Первая битва произошла на берегахъ Тобола, въ урочищѣ Бабасанѣ, гдѣ Ермакъ нѣсколькими залпами остановилъ болѣе десяти тысячь всадниковъ. За этою битвою послѣдовали другія, уменьшившія число Ермаковыхъ сподвижниковъ. Наканунѣ 23 октября 1581 года, дружина держала совѣтъ и съ первыми лучами солнца кинулась на непріятели; Кучюмъ былъ раненъ, войско его бѣжало, и 26 октября Ермакъ торжественно вступилъ въ городъ Искеръ. Оставя здѣсь часть дружины, Ермакъ поплылъ Иртышемъ къ Сѣверу, бралъ крѣпости, приводилъ въ подданство Россіи сибирскія племена и достигъ Оби, откуда вернулся въ Искеръ и ударилъ Іоанну челомъ—Сибирскимъ царствомъ. Государь жаловалъ посланнаго, Ивана Кольцо, деньгами, сукнами, камками, отрядилъ воеводу въ 500 человѣкъ къ Ермаку, дозволилъ Ивану Кольцо искать на возвратномъ пути охотниковъ, переселиться въ Тобольскій край и велѣлъ отпра-

вить туда десять священниковъ для христіанскаго богослуженія. Иванъ Кольцо прибылъ въ Искеръ съ государевымъ жалованьемъ, вручилъ атаманамъ и рядовымъ богатые дары, а вождю ихъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ царскаго плеча. Въ ласковой граматѣ, Іоаннъ объявилъ имъ забвеніе ихъ винъ и вѣчную благодарность Россіи, назвалъ Ермака княземъ Сибирскимъ, велѣлъ ему распоряжаться и начальствовать, какъ было дотолѣ, чтобы утвердить порядокъ въ землѣ и верховную власть Государя надъ нею.

Господствуя около двухъ лѣтъ въ Сибири, Ермакъ завелъ торговлю съ самыми отдаленными азіатскими странами. Ожидая бухарскихъ купцовъ и узнавъ, что изгнанный царь Кучюмъ не даетъ имъ дороги, Ермакъ съ пятидесятью человѣками спѣшилъ ихъ встрѣтить, искалъ цѣлый день караванъ или непріятеля, но не встрѣтилъ ни того, ни другаго, и на возвратномъ пути расположился

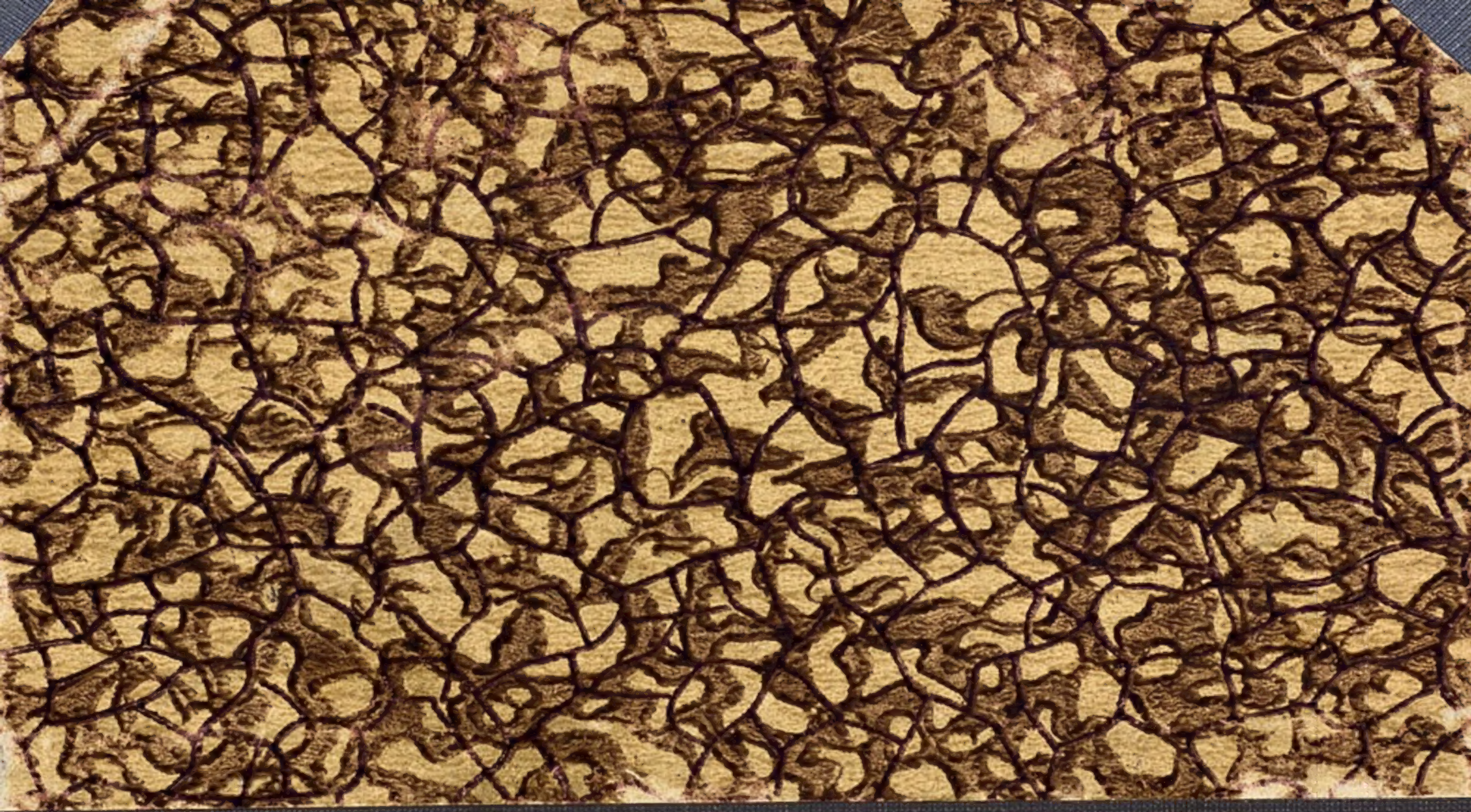
ночевать на берегу Иртыша. Отъ утомленія, самъ Ермакъ и вся его дружина заснули крѣпкимъ сномъ, а непріятель наблюдалъ ихъ съ другаго берега, послалъ лазутчиковъ, которые нашли бродъ, приблизились къ стану Ермака, взяли три пищали и вернулись назадъ. Заиграло Кучюмово сердце, онъ напалъ на русскихъ и перерѣзалъ всѣхъ, за исключеніемъ двухъ; одинъ бѣжалъ въ Искеръ, а другой, самъ Ермакъ, пробужденный шумомъ, увидѣлъ гибель и кинулся въ Иртышъ, но не доплылъ до своихъ лодокъ и утонулъ, отягченный бронею, которую ему подарилъ Іоаннъ.

Крѣпкій сложеніемъ, Іоаннъ надѣялся на долголѣтіе, но волненіе страстей, всегдашній трепетъ гнѣва и боязни, угрызеніе совѣсти безъ раскаянія, мука стыда, сыноубійство, истощили Іоанна; онъ чувствовалъ иногда болѣзненную томность, предтечу удара и разрушенія, но боролся съ нею и не слабѣлъ замѣтно до зимы 1584 года, когда

венемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить, а тѣло пухнуть. 10 марта велѣно было остановить Литовскаго посла на пути въ Москву, ради Государева недуга. Іоаннъ созвалъ бояръ и велѣлъ писать завѣщаніе, объявилъ царевича Ѳеодора наслѣдникомъ престола, избралъ ему совѣтниковъ, убѣждалъ царствовать благочестиво, съ любовію и милостію.

Уже силы больнаго изчезали; мысли омрачались; въ безпамятствѣ Іоаннъ громко звалъ къ себѣ убитаго сына, видя его въ воображеніи, говорилъ съ нимъ ласково. 18 марта ему сдѣлалось легче, онъ всталъ, спросилъ шахматную доску и, сидя въ халатѣ на постели, самъ разставилъ шашки, хотѣлъ играть съ Бѣльскимъ, но вдругъ упалъ и закрылъ глаза на вѣки. На третій день совершилось великолѣпное погребеніе въ храмѣ св. Архангела Михаила.

Іоаннъ имѣлъ превосходный разумъ, не чуждый образованія и свѣдѣній, соединенный съ необыкновеннымъ даромъ слова. Имѣя рѣдкую память, онъ зналъ наизусть библію, греческую, римскую и русскую исторію, хвалился твердостію и властію надъ собою; любилъ правду въ судахъ, нерѣдко самъ разбиралъ тяжбы, выслушивалъ жалобы, читалъ всякую бумагу, рѣшалъ немедленно; казнилъ утѣснителей народа, безсовѣстныхъ сановниковъ, лихоимцевъ; не терпѣлъ пьянства. Не любя смѣлой укоризны, Іоаннъ не любилъ и грубой лести. Его добрая слава пережила его худую память въ народѣ; стоны замолкли, жертвы истлѣли, но имя Іоанна стояло на Судебникѣ и напоминало пріобрѣтеніе трехъ царствъ; доказательства ужасныхъ дѣлъ лежали въ книгохранилищахъ, а народъ въ теченіи вѣковъ видѣлъ Казань, Астрахань, Сибирь, какъ живые памятники царя завоевателя, отвергнулъ или забылъ названіе *мучи-*

теля, данное ему современниками, и, по темнымъ слухамъ объ Іоанновой жестокости, именуетъ его только *Грознымъ*.

КОНЕЦЪ.